УДК 94+930(571.54)

ББК 63.3(2)622+63.2(2P54)

DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-88-95

С. В. Бураева, С. Э. Эрдынеева

«ВОЙНА УЖЕ НА ВСЕМ ЖЕСТКОЙ КОРКОЙ...»: БЛОКАДНЫЕ ЗАПИСКИ К. М. ГЕРАСИМОВОЙ

Рассмотрены материалы записок К. М. Герасимовой – воспоминания о блокадном Ленинграде, написанные в период 1942–1944 гг. Дана палеографическая характеристика документов. Проведено тематическое деление текста. Предложена исследовательская рубрикация.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада, Ксения Максимовна Герасимова, документы личного происхождения.

S. V. Buraeva, S. E. Erdyneeva

“THE WAR IS ALREADY ON EVERYTHING WITH A HARD CRUST...”: BLOCKADE NOTES K. M. GERASIMOVA

The article discusses materials from notes by K. M. Gerasimova – memoirs about the besieged Leningrad, written in the period 1942–1944. The paleographic characteristics of the documents are given. The thematic division of the text was carried out. Research rubrication is proposed.

Keywords: Great Patriotic War, Leningrad, blockade, Ksenia Maksimovna Gerasimova, documents of personal origin.

В истории каждой страны есть события, которые не могут быть преданы забвению. Для России таким событием навсегда останется Великая Отечественная война, а для Ленинграда – Санкт-Петербурга, безусловно, 900 дней и ночей блокады. За 75 лет, прошедших с тех пор, написано немало монографий, статей, выпущены многочисленные сборники документов, созданы произведения художественной литературы. Особое место в обширном корпусе опубликованных и неопубликованных источников о блокаде занимают документы личного происхождения – воспоминания, дневники и записки участников событий. Среди них – дневники и воспоминания петербургских ученых, изданные А. Н. Болдыревым [1998], рассказы о первых месяцах войны в Ленинграде К. Бородулиной [1990], воспоминания об оборонных работах под Ленинградом, жизни в блокадном городе в 1941 – весной 1942 г. Л. А. Голуб [1995] и др.

Документ такого рода хранится и в личном архивном фонде К. М. Герасимовой [ЛАФ № 41. Оп. 1. Д. 15]. Ксения Максимовна – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия, в течение нескольких десятилетий трудилась в Бурятском институте общественных наук – Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Она окончила два высших учебных заведения в Ленинграде: в 1942 г. – музейный факультет библиотечного института им. Н. К. Крупской и в 1947 г. – монгольское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета (с отличием).

Ксении Максимовне посвящено немало публикаций [Болсохоева 2012; Ванчикова 1999; Жамсуева 2019], которые отражают ее научные интересы и достижения. Повсе-

БУРАЕВА Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: ladys@inbox.ru.

ЭРДЫНЕЕВА Снежана Эдуардовна – аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, хранитель фонда музея Федерального государственного бюджетного учреждения науки Бурятский научный центр СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: sneg_idet97@bk.ru.

дневная жизнь, учеба и труд в блокадные и более поздние военные годы не становились объектом пристального внимания. Между тем она провела в блокадном Ленинграде не один месяц, окончив в 1942 г. политико-просветительский институт им. Н. К. Крупской (с 1940 г. – библиотечный институт); в 1942–1945 гг. работала научным сотрудником краеведческого музея в г. Улан-Удэ, а затем в 1945 г. вновь вернулась в Ленинград, поступив на монгольское отделение восточного факультета ЛГУ. Представляется, что обращение к ее ранее не известным блокадным воспоминаниям как нельзя более актуально в год 80-летия начала Великой Отечественной войны.

Записки, выявленные в личном архивном фонде Ксении Максимовны, занимают 27 листов разного размера (полный лист, половинки, четвертинки) и «происхождения». 6 листов – серо-желтая писчая бумага; 3 – листки в линейку. В основном текст написан на оборотах: 5 – на оборотах списка атеистической литературы, 5 – на бланках приходской церкви, 6 – на оборотах информации-листочки о краеведческом музее и наконец 2 – на оборотах листов с инвентарной описью имущества Бурят-Монгольского областного совета Союза воинствующих безбожников по состоянию на 1 января 1942 г. Записки написаны чернилами фиолетового и зеленого цветов, правки в текст внесены карандашом. При анализе текста стало ясно, что перед нами не классический дневник или мемуары. Это скорее *записки*, сочетающие отчасти черты и той и другой разновидности. Датировка записей прямая – это указания в тексте: начато в сентябре 1942 г., затем записи 1943 и 1944 г. Дважды в тексте Ксения Максимовна специально оговаривается: «Уже конец 44 года. В мозгах многие дорожки засыпаны песком ежедневных дел и мелких радостей-горестей»; «Пишу дальше уже в 1944 г. Многое забылось». Далее приведены фрагменты текста, в наибольшей степени относящиеся к теме исследования. Рубрикация исследовательская.

– Возвращение в Ленинград

У билетной кассы Ленинградского вокзала в Москве никого не было и зал был совершенно пуст. Мои документы долго проверяли, куда-то носили, допрашивали, отвечала, что мне ехать некуда, паспорт выдан в Ленинграде, прописки все ленинградские. Наконец билет был выписан. Поезд как обычно ночью, но посадка в крошечной мгле, по платформе куда-то несутся люди с ящиками, чемоданами, в вагоне темно. Когда все успокоилось, вдруг почувствовала что-то неладное, пошарила ладонью по ноге липкий комочек. Попросила посветить – оказалась довольно солидная царапина. Бойцы перевязали, уложили спать. Утром я уже не нашла своих «спасателей», все были хмурые и чужие, очевидно, утомительно быть добрым, тем более, что я ночью ни разу не проснулась, и моя совесть тоже. По обеим сторонам линии очень близко и часто мелькали воронки от разрыва бомб. Подавляла частота, но все не верилось, что война совсем рядом и каждую минуту может нависнуть над головой. Часто встречались груды горевших и разбившихся настоящих немецких самолетов с черными крестами. Говорили что-то о полетах на Чудово, о бомбежках составов. На ближних к Ленинграду станциях, остановках в поезд садилось много людей с круглыми, необычно большими узлами. Я не знала, зачем они садятся, и не вдумывалась – все это казалось случайным и ненастоящим, как небольшие остановки перед большим городом – конечной целью пути.

В первое мгновение встречи Ленинград кажется неприятным, как обычно тяжелый вокзал, какая-то каменная серость вокруг, грязные с дороги люди, переполненные у вокзала трамваи, но город был более каменным, чем всегда, и не спешил встать на место, задолго освобожденное для него в душе.

Поразил контраст с горячей Москвой. В Москве бушевали анекдоты о шпионах с машинками на животе. Москвичи ошалело толпами бросались в бомбоубежище во время тревог ночных и вечерних. Женщины были все так же нарядны и праздны днем, по-прежнему столичная суэта, был суровый оттенок. В Ленинграде все было иначе, война уже на всем жесткой коркой...»

Живем теперь на ул. Волкова у Таврического. В соседней комнате с фонарем жили Петраж, Левин, Абраам Гапулин, Пиня Байкин, Анатолий Шульгин, Наполеон Ридевский [1] – все они были на летней практике в разных городах Союза и после июня приехали в Ленинград.

– Окопные будни: Красное

В Красном работали больше двух недель. Привыкли к ночным шумам, к дневным разведкам. Завела окопные башмаки-«зенитки», черные чулки, черные варежки, темно-синий шарф. Сшила капюшон. И даже из клеенки сделала себе плащ-накидку с капюшоном, потому как начались осенние дожди. Сшила дорожный рюкзак, завела целлюлоидные коробочки, мешочек из белой детской клеенки, чтобы в рюкзаке под дождем не мокло «солдатское» имущество, сделала портянки из этой же клеенки. Экипировка полная, рассчитанная на дожди, грязь и нескончаемость окопной жизни.

Живем в клубе на полу. Когда-нибудь будут говорить: «Мы строили укрепления. Работали очень далеко, в лесу, делали волчью яму». Бригада чисто студенческая, без руководящих примесей, поэтому режим посвободнее. Работать уже легче, есть какой-то минимум сноровки, солнце не изнуряет.

Мы настолько сжились с рытьем, что у меня завелась «фамильная» лопатка, коротенькая и нелепая, как я сама, и так же естественно принадлежащая мне, как мое имя. Поэтому никто не сердился и не удивлялся, если я поднимала нещадный шум при каждой попытке новичков нарушить священную частную собственность. На работе нам выдали брезентовые рукавицы, огромные, негибкие. И вот в таком грозном облики мне пришлось однажды зайти в штаб за каким-то керосином. Первый человек, которого я там увидела, был разутюженный, как с Невского, гардемарин. Затем я увидела удивительный букет довоенных девиц в туфельках и при прочих «красотах». Очень удивилась, я думала, что война для всех одинаково означала грязь и гибель. Керосин не получила и вернулась в свою сферу, где девицы были совсем иного свойства, вероятно, и до войны – я говорю о наших соседках, вокруг которых всегда стоял сногшибательный непроницаемый мат. Пожалуй, мы тоже были не прочь, но образование не позволяло.

По размещенным пашням мы тянули в большой катушке тяжелый кабель, толщиной в руку, липкий от дегтя и осенней грязи, как бурлаки с каким-то гиканьем. Кабель нашими муравьиными усилиями вытягивался петлей, и мы укладывали его в заготовленные узкие канавки. Нашей гикающей бурлацкой артелью руководит военный спец и не очень доволен, несмотря на дружный топот и бодрящий мат. Я посмотрела на свои «зенитки», на грязные брезентовые клешни и эта пасторальная картина показалась мне дико неправдоподобной и впредь никак невозможной. Затем мы рыли ходы сообщения к огневой точке, ходы были «ниоткуда» и «никуда». Они не соединялись даже с огневой точкой. Наша бригада работала на «передовой», над нами постоянно висела «рама» [II], летали разведчики «каруселью» в хвост друг от друга. В таких случаях нам полагалась сидеть в окопах. У нас был выработан тактический прием – расположиться у соответствующей стенки окопа, поставить лопатки шатром над головой для безопасности и, чтобы не терять время зря, рассказывать анекдоты.

Впервые роем в расположении военных частей. За 2–3 км, говорят, уже немцы. В Ленинграде мы никак не полагали, что такая близость фронта выглядит как довольно мирная и уютная картина. Жить можно, жить совсем не тесно. Бойцы посмеиваются, спрашивают: сегодня удерем или завтра. Военный быт новый и романтический даже из-за отсутствия обычно понимаемого командира. Так или нет, но война создала новый героический образ жизни. Мне кажется, со времени Красного появилась какая-то уверенность, независимо от исхода войны, которую представляли себе неумолимой и быстрой.

Прибежала партия болотных из Красного, моментально набирают новую. Копать не в чем, на сборы час. Кричим, просим отложить до завтра, а потом – в самое пекло. Навстречу немецкому наступлению. Мы тогда еще не понимали настоящей необходимости, ради которой вправе посылать нас не только навстречу смерти, но и на самую смерть.

Едем на Балтийский вокзал. Стоят у платформы безмолвные электрички. Садимся и отъезжаем. Шуток почти нет. Едем неизвестно на что, на край света. В Красном построились на вокзальной площади и пошли в деревню Русско-Высоцкую [III]. Темно.

День был тяжелый, с беготней с утра до вечера, и теперь идти 10 км с не очень легким рюкзаком. Асфальтное шоссе. В темноте нас догоняют и идут навстречу группы

бойцов. По горизонту полоса зарева, вспыхивают ракеты, глухие разрывы. Часто над головой пролетают «чемоданы» – снаряды тяжелых орудий, с домовитым неторопливым шумом. Траектория кажется плоской и низкой. Иногда подают команду ложиться. Прошли наши танки, от неумолимого железного грохота и лязга показалось тесно.

В тот день, когда приступили к рытью соединительного звена, начался минометный обстрел, уже были воздвигнуты шатры, но боец-наблюдатель вдруг резко опустил руку и тихо сказал: «Товарищ лейтенант, уточнено 2 немецких танка. Уточнено было 2–3 км». Лейтенант спустил нас в окопы и разместил в ходах по-своему. Обстрел усилился, дело принимало какой-то оборот, лейтенант приказал поодиночке выбираться в деревню. И вот здесь я сама бросила лопатку, оглянулась. Один из тихих институтских мальчиков смотрел нам вслед очень трезвым, но последним взглядом – между нами легла непоправимая черта – они были с одной стороны, мы с другой.

Проходили несколько темных молчаливых поселков, в некоторых стоят войска. Вспыхивают огоньки папирос, освещая любопытные зоркие глаза, осматривают девиц. Шутят, ищут земляков. Казалось, идем несколько дней. Наш конвоир-матрос наконец-то объявил Русско-Высоцкую. Долго идем по краю канавы, дожидаясь очереди «на квартиру». Населения в деревне нет, «стоят войска».

«Квартира» – грязная крестьянская изба, давно уже покинутая хозяевами. Пол затоптан многими солдатскими сапогами. Остались кое-какие вещи, на комодке валяются семейные фотографии, зеркальце, бумажные цветы, видимо, хозяева не подобрали покидали дом. Так уезжают не в новый дом, а в неизвестную судьбу. Кто знает, что пригодится и что нет. При доме остался «дед» для связи. В подполье лежит мясо забитой скотины. При каждой усадьбе свой ягодник – черная и красная смородина, крыжовник. В этом году был необыкновенный урожай, стояли черные и красные кусты.

Скоро я попала в группу связистов, стоять на посту под открытым небом так же тяжело, как работать. Голова гудит от жары, ноги жидкие, все время хочется пить.

Мы должны были принимать сигналы тревоги со станции и передавать по цепи на карьер. Мой пост был самым дальним от села и до станции после меня стоял один человек, иногда никого. Приходилось сидеть у дороги. По ночам, завернувшись в общежитское одеяло, прятаться в низкий кустарник и слушать.

Помню, как нам было страшно – совершенно пустые руки, глупая и окончательная беспомощность. Оказывается, существует жажда оружия, хотелось чего-нибудь в руки, может быть не ради битвы, а потому что обидно и страшно пропадать без какой-либо защиты, хотя бы видимости защиты. Вот дошла моя очередь выскакивать наверх на свист мины. Это все равно, что выскочить из собственной кожи. Выскочила и побежала, как-то стыдно бежать согнувшись и делать пьяные петли, побежала напролом задними дворами на другой конец деревни.

На перекрестке, где стоял сигнальщик, пусто и лужица крови. Пробралась на главную улицу, пошла шагом. У нашего окопного штаба стоит начальник, размахивает чем-то и кричит: «Назад!» На него никто не обращает внимания, по улице из деревни уже вытекают сотни окопников. Наша квартира опустела, почти все ушли, собрала свои вещи и вышла с Музой и Валею. Кто-то принес хлеб, сунули нам по ковриге «украинского» круглого, говорят, что начальник приказал «переждать» в лесочке. Недалеко от леса нас обогнал начальник, он спешил на «эмке» в Красное село [IV].

В лесочке нас угостили минами. Трава мокрая, мины разрываются с противным визгом, белыми дымками березок. Вблизи завизжала мина, полагается ложиться, но мне не хочется и неудобно как-то вдруг лечь на живот, да еще и в лужу. В руке хлеб, в другой сахар, думаю: «пожалуй, обойдется». Окопники тянутся сплошной массой, как грешники в день светопреставления. Начинают сбрасывать мешки, выбрасывают картофель, галоши. Муза раскочаила свои растоптанные галоши и закинула с дырявыми тапочками в разные стороны, как будто наступает конец мира, и вещи даже первой необходимости теряют всякий реальный смысл. Я отдала ей свои запасные тапочки.

У надолбов под Красным селом посидели, пожевали сообща хлеб, макая в сахарный песок. В Красном у платформы оказалась электричка, никого не пускают в нее, она

уже полна. Начальник носится по перрону и требует высадить всех и отправить обратно. Залезли как-то в вагон и уехали в Ленинград. Красное вскоре было взято.

– *Блокадная повседневность*

... Все материальное в это время теряло свой обычный смысл. А такое ультраматериальное, как пища, еще не приобрело своего необычного смысла. Уезжая в Красное, я оставила Кире свою карточку и просила выкупить только сахар, там еще оставалось масло, мясо, крупа и рыба. До крупы в конце августа я еще не опустилась. Если крупа – значит само собой разумеется – выкупать ее не к чему. Рыба – то же самое. Масло и мясо в виде колбасы и сосисок, это заслуживало внимания. Но поскольку я просила выкупить сахар и ничего не сказала об остальном, остальное не было выкуплено и не встретило никаких сожалений с моей стороны. Только после, когда мы считали по 12,5 г крупы, вспоминали этот эпизод. Этот эпизод мы вспоминали как свидетельство невероятного богатства духа, мы были сильнее даже такого количества жизненносущих граммов.

Многие студенты уходили на военные заводы. Я шаталась без всяких определенных планов на будущее, ибо наша судьба – «болотные солдаты», все время определялось рытьем земли, выгонят отсюда, рыли в другом месте. В коротком перерыве сладостно было подержать в руках книгу. Вечерами собирались в коридоре за круглым столом, пили сообща чай, но каждый со своим куском, играли в подкидного, крутили патефон и меняли пластинки...

– *Ночные бомбежки*

...Приближалось начало вечерних и ночных тревог. Аккуратно, каждый день в определенный час начинался вой сирен. Сирена у нас была электрифицированная. К вою репродукторов снизу от швейцара присоединялся пронзительный визг электро-сирены. Звучал каждый поворот коридора, звучало все здание и каждая молекула воздуха. И так весь день, затем с восьми-десяти вечера до утра, потом перерыв и с десяти-одиннадцати дня снова все сначала. Документы при себе, костюм, шаль, пальто, боты, в ботах все-таки лучшие туфли. Рассчитано так, чтобы при полной потере вещей на себе оставалось приличное и теплое. В противогаз я старательно упрятывала черные шерстяные варежки, чтобы не остаться голорукой. И так мы сидели до восьми-десяти часов, затем или спускались к швейцару, или просто уходили в темные комнаты.

И вот начались первые настоящие бомбежки. Сгрудились внизу, здание колеблется, в теле больно, натягиваются какие-то жилы. Зам. директора, старушки закричали на ребят, что их место на крыше. Ребята нерешительно и смущенно потянулись вверх. Я постояла, постояла и тоже пошла наверх. Бомбы падали вокруг нашего здания. На Неве вспыхнул огромный факел, бомба попала в баржу. Все кругом осветилось. Рядом с нами была центральная башня водопровода, всю зиму немцы целились в нее. Маленький катерок решил ликвидировать ориентир. Мы с раскрытыми глазами следили за единоборством суденышка с огромным факелом. Видно было, как из шлангов бьет вода. Катер решил долбить баржу – отойдет и на полном ходу таранит. Затем быстро отходит назад, тушит из себя и снова подходит. Мы кричали, махали руками. Конечно, я в морском деле ничего не понимаю, но дело было так и баржа была погашена.

В следующие ночи Ромка погасил две зажигалки – на чердаке и во дворе, шутя его прозвали «Майкл тушит бомбы». Внизу рядом с ящиком для писем висели эпизоды из жизни Лондона в дни бомбардировок и был там такой 9-летний Майкл, который храбро истреблял зажигалки, как наш Ромка...

– *Окопные работы в городе*

Жили в городе и рыли противотанковые рвы на линии Обухова с 4–5 ч утра до позднего вечера, по сменам. Лотошницы приносили вкусные пирожки с капустой.

На горизонте ухало часто и крепко. Много смеялись, шутили, но на душе было как-то пугано. Фронт все ближе и ближе. В речах Ворошилова мы были непобедимы

и воевали на чужой территории малой кровью. Помимо того, что мы были воспитаны в духе идеального, благополучного марксизма-ленинизма, мы и привыкли верить, что лучше советского ничего нет. Но армии отступали и не всегда с честью, моряки и артиллеристы с горечью говорили о пехоте, что это не армия, а «мотопех», часто говорили об измене. В душе много раздвигалось, но разве мыслима была для нас иная, не советская правда, не советская жизнь, и судьба этой советской жизни была тогда совсем неясна.

Неподалеку из города выходила железнодорожная линия. Мы часто в перерывах смотрели на разветвления дорог. Эти рельсы бегут на большую землю, на Родину.

Колька Понков показывал московскую дорогу и составлял план бегства – пешком до Мги [V] или Званки [VI], а там, дескать, пожалеют, посадят. Обсуждали почти серьезно, чтобы скрыть чувство неловкости и стыда, шутили.

Остаться – значит защищать. Следить за чужой жизнью и ждать, когда тебя спасут или убьют. Что мы умеем делать? Наполеон иронизировал – с учебной винтовкой грудью против танков и авиационных бомб.

Мне всегда казалось унизительным ползать на животе, хотя бы ради жизни. И тем, и другим не хватало самого существенного, конечно. Зоя права – счастье быть бесстрашным бойцом. По-моему, самое главное счастье – уметь быть полезным бойцом. Этого в нас не хватало, мы были честными, но не героями.

Мы все страдали приступами остроумия – или от молодости, или от напряжения. Рыли в чистеньких светленьких платяницах, босоножках, на руках маникюр. Прочли обращение Жданова и Ворошилова. Наши окопники прибежали из Пудости, взята Гатчина, немцы подходят к Красному селу.

Ребят забрали в отряд народного ополчения и заставляли без конца маршировать – подготовка незавидная...наши ребята не знали ничего из полезного на войне, ничего не могли. Но они были мужчины, и с них было достаточно уметь умереть в первом же бою, не увидев и не убив ни одного немца.

– Рассказы о Пудости [VII]

В Пудости было озеро – вода настолько холодная, казалось, минута – и оледенеешь разом, до самого дна. Мы несколько свыклись с болотной жизнью, после работы бега-

ли купаться. Купались с разбегу, зажмурив глаза, не дыша. Галопом несемся в ледяной кипяток, и если по дороге не хватит паралич, теряя сознание, мчимся обратно к берегу. Длина забега равнялась мере человеческого терпения. Ныряем с тоненького, как спички, колышка. А потом ложились, как на утюг, в горячий песок, тогда возвращалась способность говорить, возвращалась речь.

Я часто замечала на себе изумляющий взгляд. Это была Кира – коренная ленинградка. Потом рассказала о себе. Меня поразила ее страстная доверчивость, воспитанность, вера в человека. Рассказала о своей подруге Саше, о матери, об арестованном в ежовскую пору отце.

Страницы рукописи К. М. Герасимовой. См.: ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ № 41. Оп. 1. Д. 15. Л. 27об.–28].

– *Еда: о щедрости и беспечности*

Картофель военный, налитый цветом. Рядом с нашим домом начинается картофельное необозримое минное поле, минная пшеница. Это золотое изобилие война сделала ненужным. Ни ягод, ни картофеля не трогали. Если б это все снять и убрать, вывезти в Ленинград! Немцы копали этот картофель, мололи пшеницу, а ленинградцы только вспоминали.

Ленинградцы были щедры и беспечны. В августе я из причитающихся мне 600 г брала обычно 400. Правда, пытались сунуть сухари, но все это в интересах ближайших дней, как будто впереди им не было жизни или эта жизнь казалась бесплатной.

– *Осознание «обыденности» смерти*

...В мирное время казалось, что смерть должна иметь большие причины вроде полета через северный полюс, во время войны нужно было привыкнуть к мысли, что смерть ходит среди нас запросто самым обычным заурядным видом. Мы впервые начинали понимать, что такое смерть. Теперь же нужно было привыкнуть к мысли, что смерть становится рядовым делом...

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии») № 121031000263-3.

Примечание

I. Наполеон Фелицианович Ридевский (имя при рождении Болеслав; 1920–1995) – ветеран советских подразделений глубинной разведки, участник боев за Восточную Пруссию; писатель, журналист. Окончив среднюю школу в Минске, поступил на исторический факультет Коммунистического института имени Н. К. Крупской. С началом Великой Отечественной войны, будучи студентом 3 курса, был призван в ряды Красной Армии, в сентябре 1941 г. в боях по обороне поселка Мга (Ленинградская область) попал в плен. Содержался в каунасском концентрационном лагере, в мае 1942 г. с третьей попытки бежал.

II. «Рама» – «Фокке-Вульф» Fw 189 – двухмоторный двухбалочный трехместный тактический разведывательный самолет. В советских войсках его прозвали «Рама» за характерный внешний вид. Существовала своеобразная примета: прилетела «рама» – жди бомбардировщиков.

III. Русско-Высоцкое – село в Ломоносовском районе Ленинградской области.

IV. Красное село – город в Ленинградской области. В период Великой Отечественной войны был оккупирован германскими войсками 12 сентября 1941 г.; освобожден 19 января 1944 г.

V. Мга – городской поселок в Кировском районе Ленинградской области.

VI. Званка – деревня в Киришском районе Ленинградской области.

VII. Пудость – поселок сельского типа в Гатчинском районе Ленинградской области. Осенью 1941 г. территория Гатчинского района на два с половиной года была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками.

Источники и литература

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): ЛАФ № 41, оп. 1, д. 15.

Болдырев А. Н. Осадная запись (Блокадный дневник) / Европ. дом. и др.; подгот.: В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменской. – СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга и др., 1998. – 367 с.

Болсохоева Н. Д. Ксения Максимовна Герасимова (1919–2011) / Н. Д. Болсохоева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2012. – № 4. – С. 228–233.

Бородулина К. Ночь над городом: Из записок блокадницы / К. Бородулина // Нева. – 1990. – № 1. – С. 195–197.

Ванчикова Ц. П. К. М. Герасимовой – 80 лет: жизнь в науке / Ц. П. Ванчикова // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 3–18.

Голуб Л. А. Боец второй линии обороны / Л. А. Голуб // Нас жег огонь смертельный: Воспоминания учителей Фрунзенского района Санкт-Петербурга о войне 1941–1945 гг. – СПб: [б. и.], 1995. – С. 7–8.

Жамсуева Д. С. Яркий след в буддологической науке. К столетию К. М. Герасимовой (22.05.1919–17.06.2011) / Д. С. Жамсуева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2019. – № 2(34). – С. 246–251.

References

Centr vostochnyh rukopisej i ksilografov IMBT SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): LAF № 41, op. 1, d. 15.

Boldyrev A. N. Osadnaya zapis' (Blokadnyj dnevnik) / Evrop. dom. i dr.; podgot.: V. S. Garbuzova, I. M. Steblin-Kamenskoj. – SPb.: Fond regional'nogo razvitiya Sankt-Peterburga i dr., 1998. – 367 s.

Bolsohoeva N. D. Kseniya Maksimovna Gerasimova (1919–2011) / N. D. Bolsohoeva // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2012. – № 4. – С. 228–233.

Borodulina K. Noch' nad gorodom: Iz zapisok blokadnicy / K. Borodulina // Neva. – 1990. – № 1. – С. 195–197.

Vanchikova C. P. К. М. Герасимовой – 80 лет: zhizn' v nauke / C. P. Vanchikova // Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 3. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – С. 3–18.

Golub L. A. Boec vtoroj linii oborony / L. A. Golub // Nas zheg ogon' smertel'nyj: Vospominaniya uchitelej Frunzenskogo rajona Sankt-Peterburga o vojne 1941–1945 gg. – SPb: [b. i.], 1995. – С. 7–8.

Zhamsueva D. S. Yarkij sled v buddologicheskoy nauke. K stoletiyu K. M. Gerasimovoj (22.05.1919–17.06.2011) / D. S. Zhamsueva // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2019. – № 2(34). – С. 246–251.